

УДК 398

**Сибирь: выселение и возвращение
(интервью 94-летней калмычки)**

*Инджир Мосиновна Болдырева*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

научный сотрудник

ORCID: 0000-0002-0832-7046. E-mail: Inzir19@mail.ru

Аннотация. В статье в научный оборот вводятся материалы интервью с 94-летней жительницей Калмыкии И. М. Карнаевой, участницей строительства оборонительных сооружений в Ростове-на-Дону (1942 г.), пережившей депортацию. Текст интервью И. М. Карнаевой дается на калмыцком языке и в русском переводе. Большая часть воспоминаний посвящена трагическим событиям, произошедшим в жизни рассказчицы: подробно описывается выселение (смятение, непонимание, поспешные сборы в дорогу), смерть родных и близких от голода и болезней, поиски пищи, труд до изнеможения на протяжении многих лет, проведенных в Сибири. Выделяется в воспоминаниях и тема возвращения на родину.

Ключевые слова: депортация калмыков, Сибирь, война, возвращение на родину, воспоминания

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Болдырева И. М. Сибирь: выселение и возвращение (интервью 94-летней калмычки). Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019; (1): 201-221. DOI: 10.22162/2587-6503-2019-1-9-201-221.

UDC398

**Siberia: Deportation and Return
(an Interview with a 94-Year-Old Kalmyk Woman)**

*Indzhir M. Boldyreva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Research Associate

ORCID: 0000-0002-0832-7046. E-mail: Inzir19@mail.ru

Abstract. The article publishes an interview with a 94-year-old Kalmyk woman I. Karnaeva who had participated in fortifying works in Rostov-on-Don (1942) and survived the deportation. The paper transcribes the Kalmyk text and translates it into Russian. The bulk of the memoirs deal with most dramatic events of the interviewee's life, such as the deportation (and dismay, lack of understanding, hasty trip arrangements), deaths of close and dear ones from hunger and diseases, search of food, years-long onerous work in Siberia. Special attention is paid to the return to ancestral lands.

Keywords: Kalmyk deportation, Siberia, war, return to ancestral lands, memoirs

Acknowledgements: The reported study was funded by a government subsidy — project name 'Socio-Political and Cultural Development of South Russia's Peoples: a Comprehensive Research of Respective Processes' (State Reg. No. AAAA-A19-119011490038-5).-

For citation: Boldyreva I. M. Siberia: Deportation and Return (an Interview with a 94-Year-Old Kalmyk Woman). *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2019; (1): 201-221. DOI: 10.22162/2587-6503-2019-1-9-201-221.

Более 75 лет назад произошла страшная трагедия — принудительная депортация калмыков. 28 декабря 1943 г. более 90 тысяч калмыков были посажены в железнодорожные вагоны для перевозки скота и вывезены из родных мест в Сибирь. К лету 1944 г. были отозваны с фронта солдаты и офицеры, и число выселенных составило 120 тыс. Калмыцкая автономная республика была ликвидирована, ее территория поделена между образованной Астраханской областью и соседними областями [Убушаев 1991].

Калмыцкий народ понес колоссальные потери. В ходе самого переселения, по официальным данным, в пути погибло около 2 000 человек. Из-за депортации было подорвано здоровье нации. 30–50-градусный холод вызвал простудные заболевания, которые переходили в туберкулез. Люди страдали от истощения, ревматических и костных заболеваний [Борликов, Басхаев 2014: 580–591].

Правда об этом тягчайшем периоде в истории Калмыкии живет в документах и народной памяти. До настоящего времени остаются нераскрытыми многие стороны трагедии выселенных, депортированных народов.

В декабре 2018 г. учеными Калмыцкого научного центра РАН была проведена встреча с представителями старшего поколения, подвергшихся в 1943 г. насильственной депортации. Большую помощь в поисках информантов оказало Министерство социального развития Республики Калмыкия. Было проведено интервью с теми, кто сумел выжить в Сибири, будучи обреченными на беззащитность и безысходность.

Более семидесяти информантов поделились своими воспоминаниями о годах, проведенных в Сибири. Перед началом записи мы попросили информантов начать свои воспоминания о ссылке в Сибирь с самых первых дней, а также рассказать о своей жизни и жизни родных и близких в условиях депортации, объяснив, что все события, сохранившиеся в памяти, очень важны.

Информанты, записанные автором этой статьи, говорили в основном на калмыцком языке, но иногда рассказчики использовали в речи русские слова. Никто из них не знал, куда их выселяют. В. К. Бальджинова, 1933 г. р., с сестрами и братом были определены в Сибирь в детский дом. Их мать накануне выселения выехала в район за пенсией, отец был на фронте.

Семье Ц. Б. Эняевой 1929 г. р. (Малодербетовский улус, с. Цаган Нур) на сборы дали 10 минут. Собирались в спешке. Солдаты отобрали материалы для пошива платья и сапог, шерстяные платки и снасти для ловли рыб. Выселялась в Сибирь с отцом-инвалидом и матерью. Собрали в дорогу шесть мешков одежды. Немного муки и топленого масла.

К З. Б. Лиджиевой 1936 г. р. (с. Хошеуты) солдаты пришли ночью, тыча в детей штыком ружья. В семье было пять человек: раненый отец, вернувшийся с фронта, мать и трое детей. Отец успел взять шесть выделанных овечьих шкур.

Среди опрошенных автором статьи информантов самыми молодыми по возрасту были А. О. Улюмджиев 1937 г. р. и Н. Д. Вань-

каева 1938 г. р. А. О. Улюмджиеву было семь лет. Дети играли в степи и, увидев американские студебекеры, сами поднялись на борт машины. В 1942 г. отец А. О. Улюмджиева ушел в армию и пропал без вести. Выселялся в Сибирь с матерью и старой бабушкой. У них была молодая телка, которую солдаты предложили забить, а мясо взять в дорогу.

Н. Д. Ванькаева плохо помнит дорогу в Сибирь: «Солдаты швыряли детей в машину, на двухъярусных нарах вагона — одни старики».

Старшая по возрасту информант — Карнаева Инджир Маркиевна, 1925 г. р., родилась в поселке Тугтун Кетченеровского р-на, родом из рода Манц гелюнга.

В 1942 г. И. М. Карнаева участвовала в оборонительных сооружениях в Ростове-на-Дону. Награждена медалью «Участник Великой Отечественной войны». В 1943 г. — ссылка в Сибирь: голод, холод, потеря троих детей, мужа, родных и близких. Работала в лесозаготовительной промышленности, в свеклосовхозе. Вернувшись в 1958 г. из Сибири в Калмыкию, она вновь вынуждена была вернуться в Сибирь, чтобы заработать деньги на жилье, работала в животноводстве в Рубцовском районе Алтайского края.

Раны, нанесенные во время депортации, не могут быть забыты. За плечами Инджир Маркиевны многолетний нелегкий труд, жизненный опыт и вековая мудрость. Сила духа Инджир Маркиевны помогли ей выдержать все испытания. Несмотря на все тяготы судьбы, она сумела сохранить жизнелюбие и доброжелательность. Во время правления М. С. Горбачева вместе с племянником занималась частным предпринимательством. Не имея начального образования, мастерски считала на счетах, вводя в заблуждение покупателей, которые думали, что она по профессии бухгалтер.

Несмотря на военное лихолетье, геноцид, депортацию, И. М. Карнаева сумела сохранить культуру и язык своего этноса.

Инджир Маркиевна — человек верующий, она ежедневно читает молитвы, перебирает четки. От нее записаны гадание на четках и старинные методы лечения болезней.

Представляем текст интервью с И. М. Карнаевой. Инджир Маркиевна так и не освоила русский язык, поэтому интервью на калмыцком языке, с переводом на русский.

— *Түрүн өдрэс авн эклэд, Сибрүр туулһсна тускар келжэ өгтн.*

— Сө машин ирэд, бидн иим малтсн землянкд билэвидн Аршан Зелм поселкд. Дэн болсн. Мана эцк орж ирчкэд, келжэнэ: «Ой, акад юмбв! Волгоградас эвр кевэр машид йовжана. Юн болжадг болхмб?». Нарад хэлэхлэ, машид иигэд зөөһэд-зөөһэд йовна.

[Өрүн] дөрвн часла генткн үүд цокжана. Хойр шор буута хойр милиц орж ирв. Ламп уга. Өөр сосед маңһд бээсн, маңһдас одад, ламп авч иржэнэ. Ю келснь — меджэхшвидн, орс келн уга. Одакс хатхад, мишг зааһад, йовхмб гижэнэ. Тегэд мана эцк келжэнэ: «Маниг көндэх зөвтэ билэ. Ода энчн авад һарһхар бээнэ».

«Пятнадцать минут, давайте собирайтесь. Юм бичэ авад һартн», — гижэнэ.

Мана аак көвүһэн теврчксн. Дү грудной же был. Энднь — негнь уульчксн, бидн юм олж чаджахшвидн, юм авч чаджахшвидн. Цөөкн мишгт энд-тенд барахло хаяд. Суулһж авад, һарв мадниг. Һаза нег һурвн-дөрвн үкр, невчк туһл-муһл, ноха бээсн. Тедниг, үүдинь татад, көөчкв эдн.

Американск машин деер һардг арһ уга. Авад шивжэнэ маниг салдсмуд иигэд, авад-авад, шивэд бээнэ машин деер.

Ода юн болжахмб? Орс келн-амн уга. Яахм болхмб? Мана эцк келжэнэ: «Нэ, ода яахар бээхм болхмб? Маниг кеер авч одад хайхар бээхмб?». Суулһад, Аршан Зелмн поселк авч ирэд зогсачкв. Зогсаһад, одак машид хураһад-хураһад, эмтн хурад-хурад бээтл, ора болад одв, үдин хөөн болад одв. Шеедг һазр уга, яахнь медгджэхш. Милиц шорта маниг буулһжахш машинэс. Шеенэв гиж келдг арһ уга. Тиигэд шеесэд, Абганерово станд бүрүл ирүвидн. Бүрүл ирэд, Абганерово станцд ирэд, нарн сууһад, төмр хаалһ гидг юмн деер маниг зогсачкж гижэнэ. Машин зогсжах. Тер мишгүдм авад шивэд, мадниг салу-салу шивэд бээнэ.

Одак [вагонд] — хойр давхр нармуд. Нег бийднь мадн бүүрлүвидн. Мана өөр, нег бийднь эмтн чикэтэ. Тегэд асхн грузить кесн, өрүн өр цээхлэ, Волгоградт ирж йовनावидн.

Тегэд Волгоград ирж йовनावидн. Волгоградт ни одного дома не видать. Шатсн гермүд бээнэ. Нэ, тиигэд бээхэд, йовад, сутк болад, Саратовд иржэнэвидн. Ирхлэ, хот өгчөнэ гижэнэ. Келн-амн уга. нег дүлэ-бала юмн. Көрэ кусг өдмг, горячий суп маднд. Ааһчн уга, юмнчн уга. Авад иджэнэт суткдан гижэнэ тер. Мини бичкн дү — көкөр, эрэ йовдг, ууляд бээнэ, ууляд бээнэ. Экин көкнд үсн уга. Экнь уульх. Мана эцк келжэнэ: «Нэ, ода маднд дэжж сэн юмн үзгдшго. Яахмб? Маниг кеер авч одад хайхар бээнэ. Орс келн-амн уга. Дэкэд нег дүм бээсн. Тер дү тас босчахш. Хойр көлнь хавдж одж. Көрч одж, устад. Хоосн киитн һазрт.

Тегэд йовад-йовад, йовад, в сутки один раз шеех эмтиг тэвжэнэ. Вагонас авад шивэд, авад шивэд, һардг арһ уга. Одак дорань орад шеехлэ, шорта бууһар хатхад маниг, көлвэдүлэд, унһаһад [һазрт]. Ууляд-дуулад, шеесн, баасн уга. Тиигэд суткд один раз һардг билэвидн.

Арвн дөрвн хонг йовад иржэнэвидн. Алтайский край, Ганцов-щицкий леспромхоз гиһэд, военный завод, шпалы баглдг тиим завод бээж.

Кругом — лес, тенгр эрэ үзгджэнэ. Мана эцк келжэнэ: «Дэрк, юн гидг юмн үзгджэхмб? — Шинкн¹ мод үзжэх. — Юн гидг һазрв? Яахмб?» — гиһэд.

Маниг авч ирэд, клубд буулһчкв. Нег дү күүкм сө үкэд хонж. Үкэд хонсн. Келжэнэ: «Энүг авч одад оршатн». Салдс күүкиг чирэд, авч одад, кладбишд хайчкв. [һазр] көрө. «Хавр орхла, ирэд дартн», — гиһэд, цасар дарад хайчкв.

Маниг авч одад, душд орулжана. Душд. Одак бөөсн, ху бөөсн. Девл-мевл шатж одсн. Өмсдг арһ уга.

Нег баракд орулв. Сортировать кенэд, нэмэг келжэнэ, лесовалкд гижэнэ. Лесовалк гидгтнь яһж көрэддг болхмб? Маңһурднь шпалзаводт, бу, му кедг военный заводт, тенд авч одад зогсачкад,

¹ Шинкн — шинхн.

нег орс гергн көтлж авад һарв: «Иигэд зогсжах модыг көрөдтн». Хуцасн. Иигэд көрөдчкэд, дораһур көрөдх. Өкэдг арһ уга, көл нүцкн. Яахнь медгджэхш. Тиигэд ууляд зогсад бээнэвидн. Көл, һар нүцкн. Дүрдг юмн уга, нимгн хувцта. Десятник күүкд күн билэ. Орс.

— *Көдүтэ билэвт тер цагт?*

— Семнадцать лет. Тиигэд ууляд-унжад, көрөд, келдг үг уга. Асхн ирхлэ, уудг хот уга. Иждевенцд — 100 грамм, мене, рабочей — 600 грамм.

Дөкэд маңһурдтнь авч ирэд, баньд орулад, нэмэг заводт йовулжана. Заводт йовулхла, лес валить кех. Иигэд эндкин чавчад, эндэснь көрөдх. Даарад, юм кеж болжахш. Ууляд зогсад бээнэв, уулэд зогсад бээнэв. Һанцхн би биш, цуһар. Одак модн аашхла, тер моднур гүүһэд, кесгнь үкэд бээнэ. Өдр болһн хойрһурвн юмн. Медгджэхш, күн меджэхш өлсэд үкчэх улст.

Тер асхн ирэд, хоосн нег герт. Мана эцк келжэнэ: «О, хээрхн, ода, кукн, сэн юмн үзгдшго ода энтн. Арвн хойр жил болад, гериннь ормд көгс урһсн цагт: «Эн хотыг кен идхмб? Эн хувциг кен өмсхв гих юм үзхт», — гижэнэ мини эцк. А ему было сорок четьре года. А йир тенжэнэ. Эцкм көдлмшт һарад йовж чаджахш. Хавдрлв. Май сард өнгрхлэ, би заводт көдлжэх. Начальник завода Иван Тихонович нег орс билэ. Өвр сэн седклтэ. «Карнаева, отец ваш умер»[, — гив]. Дөрвн дуунад төмр хаалһар хәрж ирх. Гүүһэд, гертән ирхлэ, на втором этаже герт бээсн, аак бээнэ.

— Отец где?

— Мадн вагонеткар чирэд, лесд авч одад хайчквидн, — гижэнэ [эк].

— Дарсн угавт?

— Уга.

Тер өмсчэсн хувцтаһинь май сард хайчксмн. Ирчкэд, ода яахмб. Һазр деер унтдг, ор, дер гиж юмн уга. На полу. Өрүнднь ус буслһчкад, һархм болжана. Нань юмн уга. А би шестьсот грамм өдмгән идчкэд, асхн буслһсн усан ууһад, өрүн ууһад.

Баатр гиһэд дөрвтэ көвүн, көвүн ууляд бээнэ, ууляд бээнэ. Шуд шанаһан түшчкэд, ууляд бээнэ.

— Юңгад ууляд бээнэч?

— Гесм өлсэд, уульжанав, — гинэ. Ууляд бээнэ, ууляд бээнэ.

Асхн ирхлэ — хоосн. Өрүн усан ууж авад харх. Нурвн жилдэн тиигэд тесэд бээв. Тесэд бээһэд, одак лес чилхлэ, маниг свеклосовхозд, свекл урһадг, сахар һарһдг свеклосохозд авч одад хайжана маниг. Авч одад хайхла, ода невчк хоолта-хонрта, ю-күүһәр хувц уяд ирхлэ, клубд авч ирэд хайчкв. Клубд авч ирэд хайчкхла, күн маниг авчахш. Эк — доһлц, гемтэ, би, дүүнр эрэ йовжах. Ода ю кехмб? Үвлэр авч ирж хайжана, февраль сард.

Авч ирж хайхла, эмтн келжэнэ: «Иигэд һарад йовхла, лесополоса бээнэ. Тенд садын өгүр, цасн дорас иигэд свеклын хвостик, свеклин хамтхасн олдх. Төлг авч, иддтн».

Вот я поехала, күүнэс күрз сурж авад, цан чирж авад, мишг гихм, кенчр авад йовув. Хээнэв-хээнэв, юмн олджахш. Һарм дарад, зогсжанав. Хамаран хэлэж малтхнь медгдхш. Лесополоса дала. Генткн, йовж йовхла, хэлэхлэ, юмн, зелень, хамтхасн кевтнэ. Свеклин хамтхасн попадаются. Тер свеклин хамтхасн бүдүн сүүлтэ. «О-о, айта юмн! Ода чәнж идх». Тегэд хамтхасан хураһад, нег полведра авч иржэнэв асхн ора.

— *Хоосн хамтхасн?*

— Э, хамтхасн, хамтхасна сүүлнь. В первый раз үзжэх. «Аак, энүг уһаһад чанхм»[— гижэнэв]. Худгтан күрдг арһ уга. Второй этаж, аак йовж чаджахш, көл, һарнь өвдэд. Не, терүгэн идэд, йир эмтэхн болсн юмн, айта юмн. Хамтхасинь идэд, тер свеклан идэд, көдлмштэн һарад. Асхн ирэд — хоосн, үдлэ хот уучкад, хоосн көдлдг теңкән уга.

Дэкэд нег ду күүкм өнгрж одв. Начальник Иван Тихонович гиһэд, ууляд зогсжахлам:

— Что плачешь? — гижэнэ нэмэг.

— Сестра умер.

— Ну что, будешь хоронить?

— Аха.

Тер көвүтэһән хоюрн гроб кеж өгэд, опилкс зөөдг нег мөрн цан билэ, нэмэг «Оршатн», — гиһэд, авч одад, тер көвүтэһән хоюрн.

Дү күүкэн яршгтан тэвж авад, кладбище одад, нүк малтад. Нүк нег хойр-хурв малтад, иигэд хөмэд хайчкув. Хайчкад, ода санжанав: «Не, ода күмн үлдшго».

Одак уульдг дү уулад бээнэ. Дэкэд сестра Зелмэнь бээх. Эк доһлн, өмсдг хувцн уга. Нег өрүн иим юм идчкэд — все, хоосн.

Терүнд теднд боднцг бээдг бээж. Садик-мадикд өгх тер. Терүг хаза үкр иддг. Мана аак одад, үмкэрж одсн боднцг, хальста-мальста юм авч ирэд, одак [бешин] цө деер тэвэд, котлет шаржана. Тендэснь өтн һарад бээнэ.

«Аак, энчн өтгэлм», — гихлэ, экм өтинь иигэд эргүлэд тэвчкэд, иджэнэ, маниг кормить кежэнэ. Давснчн уга, юмнчн уга.

— Өтинь хайчкад?

— Э. Нэ, гем уга тиигэд бээһэд бээнэвидн. Одак мана Баатрин геснь иигэд икдж одв, идэд-идэд бээж. Тегэд тиигэд бээһэд, көдлэд, ода цар тергэр көдлүв. Цар тергэр көдлэд, свекл зөөдг болув. Свекл иим ик-ик. Свеклан энд-тендэн тэвэд, буудяг эндэн кеһэд, авч ирэд. Дүм теермдв нүклэд, чолуһар иигэд.

— *Сибрт орс улста үүрдг билт?*

— Русские — народ хороший. В 1942 г. председатель колхоза «Каганович» Кетченеровского улуса отправил в Ростов-на-Дону 120 человек [окоп малтх]. Мини эцк должен был ехать, мини эцк зерно-буудя хэлэдг, сторожем числился в колхозе. Нэмэг йов гижэнэ. Өмсдг хувцн уга. Өмсчэсн нег хувцн, нег шалвр. В запас юм авчашив.

Тегэд [*колхозин* һардач]: «Не, йовж йовад, Ростовас хэрү күрч ирхт тадн», — гижэнэ. Тер кевтэн нег цөөкн хө, хөрн-һучн хө көтлгэд манд [өгв].

Сто двадцать человек пошли пешком. Хөөнэсн алж идэд, кеер хонад, намрар йовж йовх. Хойр долан хонгтан йовад ирүвидн. Ирхлэ — киитн. Одак Ростов-на-Дону — модн. Усн энднь, усн — тенднь. Модн. Ода яахмб болхмб? Малтад, терз кедг арһ уга, деернь щиты хаяд, кесг юм хаяд. Нэмэг дахад көдлдг хойр маһд күүкн тедн.

— *Кедүдгч жсил бээсмб?*

— 1942-гч жил. Деернь шит хаяд, хур орад бээнэ. Нанла хамдан хойр маңһд күүкн, хамдан нег һазр унтдг. Зурһан сар тенд бээв, хувцан уһалго. [Сар болһн] иржэсн юмн ирдгон уурв. Нег шалврта йовсн, тер шалвр иигэд өмсэд-өмсэд бээтл, элэд, хойр [көл] улан һалзн. Иигэд ут үсән толһадан иигэд орачксн, ху бөөсн. Иигэд жахшнад [толһа], ху шарх, шарх унад, бөөсн унад бээнэ. [Үсн] боодһата таг.

Окоп малтачах дэкэд. Өөрм нег өвгн. Ода яахмб!

Эмтн цергт йова-йова бээж, долан-нээмн эмтн үлдв. Бидн йовж чаджахшвидн. Йовдг арһ уга. Юуһар йовхмб? Нег му цар үлдж. Тер цариг, хот өгэд, невчк яс[рул]жаһад, йовһар йовад, Ростовд күрч ирүвидн. Кеер хонад, орсмудг орад, һууль һууһад: «Дай картошку, дай хлеб». Орс күн ямаран. «Ой, боже мой, боже мой», — гһһэд, авч ирэд, маһнд өдмг, бодһицг өгдг билэ.

Кесг хонад, бээсн һазртан иржәнэв. Точкд. Иигэд-иигэд ху шарх. Юмн авч одн гижәнэ. Иим ут үсн иигэд бөөсн бэрэд иджәнэ. Гертән ирэд, же гһһэд йовһар орж йовхла, эцкм ирэд: «Ой-ой, кукн», — гһһэд, иигэд өргэд авхла [үсим], ху цусн, хоосн арсн үлдв. Арсн үстәһән һарч ирв. Эмч уга. Эцкм келжәнэ: «Эмгн, эн күүкн болхв, угай. Арч». Юм-күм түркэд, тос түркэд бэ, зурмна тос түркэд бэ», — гижәнэ.

Хойр жил толһа нүцкн, ху шарх. Деерм – альчур. Күүкд альчурим булаһад, наад бэрдг билэ. Хойр жилдән үсн урһлго бээв, шарх һарад. Үксн угав, эмд үлдүв.

Тер кевтән тендән көдлэд, тендэс Сибрт орад, одак бөөсндән даргдад, бөөсн идэд. Толһадм гем уга болад, үлдүв, хээрхн. О-мани-эднәхн, бичэ үзгдг! Ода келхлэ, күн иткжәхш терүг.

Вот үзсн юмн нанд дала. Ода тер күүкдчн уга, хойр өвгн үксн, эк уга, эцк уга. Нег му дүүтәв тер. Насн дала.

Одак комендант хэлэдг, сар болһн һаран тәвх.

Тиигэд-тиигэд бээтл, өөрм бээсн нег көвүн әрк орулжана нанд. Ирхлэ, күүнлэ хамдан нег баракд бээнэ. Жил болад, көвүн һарчана. Эмч уга. Родился мертвый ребенок. Көвүн. Би санжанав: «Ода айта юмн болв. Энүг асна гидгнь жаңһр. Үкэд сән болв». Өрүнднь

күргтэ хоюрн йовад, кенчрэр ораһад. Хол биш станц бээдг билэ. Тенд нег юмна хэврһднь авч одад оршавидн.

Жил болад, күүкн һарчана. Күүкн нээмн сар бээв. В это время күргн заболел туберкулезом. Нанд эмч келжэнэ: «Вы вместе не спите, заразитесь». Дэкэд бидн тендэн салу бээжэнэвидн. Третий ребенок родился. Көвүн. Күргн — туб[еркулезн]ик, открытая [форма]. Көвүн тавн сардан өнгрж одв от туберкулеза. Күргн совсем не может ходить. Тиигхд спецкомендатура бээх. Маниг Барнаул авч оддг, в сорока километрах. Цар терг татад, ахрһнь авад йовв. Авад йовад, тенд һурв хонад, өнгрв.

Өнгрхлэ, дэкэд нэмэг тэвжэхш. Ахнь одад, брат Нандышев гһһд одад, оршачкад, күрч ирв.

Эк, дү күүкн көвүн хойр остались. Тиигэд бээһһэд, дүүнрэн асрад бээв.

В 1958 г. приехали на родину в поселок Тугтун Кетченеровского района. Ирхлэ, арһс, уголь тэвдг сарай өгчэнэ маднд. Экм келжэнэ: «Өнгрэн орхм. Рубцовск районд, от города Рубцовска в девяти километрах, хэлмгүд бээдгж. Йовхм», — гижэнэ нэмэг.

Тер цагт күн келсэр бээдг. Юман, нег контейнерт барахлоһан цуглулад, хот кедг саван ачж авад, күрч ирүвидн. Күрч ирхлэ, бээдг гер уга. Нег элгн-садн ирэд, келжэнэ: «Не, Инжр, эттөһөн точк орхмн. Чабаном будешь работать». Амрчанав. Чабаном, цаста тиим цагт, ирэд көдлүв. Хөөһөн, үкрэн саах. Тер үкрин үс, хөөнэ үсиг сепэрэтрэр цокад, тосинь иддг болувидн. Хувцта-хунрта, юм уйдг машинтэ болад. Брат сестра в школу ходили, негнь — в 4-ый класс, негнь — во второй. Тенд школ уга, совхозд иржэнэв.

Хонад, машинһэр йовад, Рубцовскин өөрэс, дөчн дунад үкрэн ачсн, күүкд, эн-тенэн ачсн күрч ирүвидн. Дэкэд чабаном көдлжэнэв.

Тенд үлдсн эмтн нүүхэр белджэнэ. Только за свой счет. За свой счет мөнгн күрчэхш. Нег сара хонг көдлэд, дэкэд мөнг олад, приехали опять на родину, в Тугтун. Дэкэд орад, пекарһнд көдлжэнэв. Вот тендэн тиигэд би көдлүв. һарарн месить кеһэд, эдниг кормить кех, эврэн идх — чидл дала. Вот теднэсн тиигэд би көдлэд.

Нег көгшн өвгн, гергнэсн салсн, нэмэг авчана. Одшго бээсн нэмэг бэрэд, берэдм цуһар Көшрт, тенд одад: «Юм үзжэхшч, баран болх. Һанцарн бичэ бэ». Эврэн гертэ билэ Көшрт. Шуд нүүһэд күрч ирүв. Ода тер бээсн гер, тер кухньчн — тер гараж, тер хойр өрө. Ода өвгн үкэд, энчн в 2002 году он ушел. Так я одна осталась. Нег му дү күүкн эврэннь үртэ-садта Тугтнд, нань элгн уга. Вот мистэ хоюрн счастливо живу.

В Горбачевское время я бизнесом занялась. Неграмотная, ни одного класса не [о]кончила. Ачм өөрм зогсжана. Би щеткар цокад, щеткар цокад, үсинь, тосинь тоолад. Нег гергн суржана: «А Вы что бухгалтером работали?». Би э һарчахшив. Валера: «Да, һаһашка бухгалтером работала», — гиж келжэнэ. А я говорю:

— Зачем ты так говоришь?

— Ну, Вы же умеете считать на счетах.

Нег өвгнэ му герт так живу. Когда өвгн үкхлэ, соцзащитын [көдлэчнр] келжэнэ: «Оформляйте[сь] по потере кормильца». Теперь у меня маленькая пенсия.

Насн дала, хэлэдг күн уга. Очень тяжело, очень тяжело. Тиигж далаһар уульдн угав. Нульмсн чилв, баһ цагтан ууляд, ууляд йовж. Би күүнд өөлжэхшив. Элгн-садн, ачнр дала. Каждый в своей семье.

Ода бийэн чиклэд, даң зальврад [бээнэв]. Нань арһ уга, надежды нет. Орсн, һарснднь хотан өгэд, идтхэ-уутха гийэд, потому что эцкм, хойр дү күүкм харһнад өңгрв. Во время войны нег авальм өңгрлэ. Бидн ах-дүүһэрн йисн күн билэвидн. Йиснэс ода хойрхн күүкн үлдсн. Ода яахв! Уха-сегэн гем уга. Ни один класс не кончила. Ода сэн юм саннав. Му юм санжахшив. Сэн седкл зүүх кергтэ. Ода саннав, үкж одвчн, нег мис бээнэ. Эн мис эмтнд зэнг өгшго, яахм болхмб гийэд. Зэрмдэн күн орж ирхш, зэрмдэн дала болна. Ода сэн юм саннав. Сэн седкл зүүх кергтэ.

— *Начиная с первых дней, о ссылке в Сибирь расскажите.*

— Ночью приехала машина, мы жили в такой вырытой землянке в посёлке Аршань-Зельмень. Шла война. Наш отец, войдя [в

дом], сказал: «Ой, как странно! Из Волгограда очень много машин прибывает. Что же такое случилось?». Вышли посмотреть, машины что-то везут, везут.

[Утром] в четыре часа неожиданно в дверь постучали. Два милиционера с ружьями вошли. Лампы нет. Рядом сосед-татарин жил, к татарам сходили и принесли лампу. Что говорят, не понимаем, русского языка не знаем. Они стали тыкать (штыками), показывая на мешки, давая понять, что надо идти. Тогда отец говорит: «Нас хотят трогать [с места]. Теперь они хотят куда-то везти».

«Пятнадцать минут, давайте собирайтесь. Ничего не берите с собой» — говорят.

Наша мать с сынишкой на руках. Братишка грудной же был. Рядом — еще один плачущий, мы не можем ничего найти, ничего собрать. В несколько мешков закинули барахло. Посадив, повезли нас. Во дворе были три-четыре коровы, несколько телят, собака была. Их, открыв дверь, выпустили они.

На американскую машину невозможно залезть. Берут и кидают на машину солдаты, берут-берут, кидают на машину.

Что же случилось? Русского языка не знаем. Что делать? Наш отец говорит: «Что они собираются делать? Нас в глушь хотят вывезти и выбросить?». Посадив, привезли в поселок Аршань-Зельмень. Остановившись, те машины собирали, собирали, пока людей собрали, было уже поздно, наступило послеобеденное время. Нет туалета, что делать — не понятно. Милиционеры со штыками не дают сойти с машины. Хочу писать, сказать нет возможности. Так, испытывая желание испражниться, на станцию Абганерово вечером прибыли. Приехали в сумерках, солнце село, на станцию Абганерово, на железной дороге, так называемой, остановились. Машины стоят. Те наши мешки берут и кидают, нас отдельно по одному кидают.

В том [вагоне] — двухъярусные нары. На одной стороне мы расположились. Рядом с нами, на одной стороне народа — битком набито. Так вечером погрузившись, утром, на рассвете, к Волгограду подъезжаем.

В общем, к Волгограду подъезжаем. В Волгограде ни одного дома не видать. Сгоревшие дома стоят. Ехали так и через сутки в Саратов приехали. Приехали, еду дают, говорят. [Русского] языка не знаем, как глухие. Дали по куску мерзлого хлеба, горячий суп. Ни посуды, ничего нет. «Есть будете раз в сутки», — сказали они. Мой маленький брат — грудной, едва ходивший, плачет и плачет. У матери пропало молоко. Мать плачет. Наш отец говорит: «Ну, теперь больше ничего хорошего не предвидится. Что делать? Нас в глушь хотят вывезти и выбросить». Русского языка не знаем. Был еще один младший брат. Он перестал вставать. Ноги отекли. Обморозились, покрылись волдырями. В пустом холодном краю.

Так ехали, ехали, в сутки один раз испражниться людей выпускают. С вагона берут и кидают, берут и кидают. В вагон не можем подняться. Под тот вагон забежишь писать, тыкали штыками нас, опрокидывая, волоча [по земле]. С плачем-ревом, не имея возможности справиться нужду. Так в сутки раз выходили.

Через четырнадцать суток прибыли. В Алтайский край, Ганцовицкий леспромхоз, военный завод, шпалы собирающий завод тот был.

Кругом — лес, небо едва видно. Наш отец, впервые видевший лес, сказал: «Дярок, что это такое? Что за местность? Что делать?».

Нас привезли и в клуб поместили. Ночью умерла одна младшая сестра. Умерла во сне. Говорят: «Ее берите, идите хоронить». Солдаты [тело] девочки потащили, отнесли и бросили на кладбище. [Земля] мерзлая. «Весна наступит, похороните», — сказав, снегом прикрыли.

Нас повели, в душ завели. В душ. Эти вши, все во вшах. Тулупы обгорели. Надеть нельзя.

В один барак завели. Сортировать стали, мне говорят: на лесоповал. На лесоповале этом как же там пилят? Назавтра на шпалозавод, где ружья делали, на военный завод, туда привели. Одна русская женщина повела: «Вот те деревья пилите». Кругом снег. Здесь спилив, снизу надо пилить. Не могу согнуться, ноги босые. Что делать, не понятно. Стою так и плачу. Руки голые, ноги босые.

Некуда спрятать, тонкая одежда. Десятником была женщина. Русская.

— *Сколько лет Вам было в то время?*

— Семнадцать лет. Так горько плачу, мерзну, слов нет сказать. Вечером придешь — есть нечего. Иждивенцам — 100 грамм, мне, рабочей, — 600 грамм.

Затем назавтра отвели в баню, после бани меня на завод отправляют. На завод отправили с тем, чтобы валить лес. С этой стороны рубить, с другой — пилить. Мерзну, невозможно работать. Стою и плачу, стою и плачу. Не только я одна, все. Когда деревья падали, к тем деревьям подбегая, многие умирали. Каждый день два–три человека. Не понятно. Ничего не понять умирающим от голода людям.

В тот вечер вхожу в пустой дом. Наш отец говорит: «О, хаирхан, милая, не увидим мы ничего хорошего. Через двенадцать лет, когда на месте дома вырастет крапива: «Эту еду кто будет есть? Эту одежду кто наденет? Вот такое увидите», — сказал наш отец. А ему было сорок четыре года. Начал терять рассудок. Отец не мог ходить на работу. Опух. Когда умер в мае месяце, я работала на заводе. Начальник завода Иван Тихонович, русский был. С очень доброй душой. «Карнаева, отец ваш умер»[— сказал]. Четыре километра по железной дороге домой идти. Прибежав, вошла в дом, мы жили в доме на втором этаже, там мама.

— Отец где?

— Мы на вагонетке потащили, в лесу бросили, — говорит [мать].

— Не закопали?

— Нет.

В той же одежде в мае месяце бросили. Прихожу, что делать. На земле спали, постели не было. На полу. Утром, вскипятив воду, выходишь. Больше нет ничего. А я, шестьсот грамм хлеб съев, вечером и утром, выпив кипяченой воды.

Брат Баатр, четырехлетний мальчик, плачет и плачет. Подперев щеку рукой, плачет.

— Что ты плачешь?

— Проголодался, вот и плачу, — говорит. Плачет и плачет.

Вечером придешь — пусто. Утром, выпив воды, выходишь. Три года так продержалась. Продержалась, когда лес закончился, в свеклосовхоз, где выращивали свеклу и делали сахар, привезли и бросили. Когда привезли и бросили, немного продуктов было, кое-какую одежду сшили, в клуб привезли. Привезли в клуб, никто нас не берет. Мать — хромая, больная, я и младшие сестры, братья еле ходим. Что теперь делать? Зимой нас привезли и бросили, в феврале месяце.

Когда привезли, люди говорят: «Если так пойдете, лесополоса будет. Там возле сада, из-под снега свекольные хвостики, свекольная ботва найдется. Будет пропитание, ешьте».

Вот я поехала, у людей лопату выпросив, сани потащила, что-то вроде мешка-тряпки взяв, пошла. Ищу, ищу, ничего не находится. Руки замерзли, стою. Куда идти копать — непонятно. Лесополоса большая. Вдруг, когда шла, вижу что-то — зелень, листья лежат. Свекольная ботва попадается. У свекольной ботвы толстые хвостики. «О-о, хорошо! Теперь можно сварить, поесть». Так, собрав свекольной ботвы, полведра принесла поздно вечером.

— Одна ботва?

— Да, ботва, свекольные хвостики. Впервые увидела. «Мама, их вымоем и сварим»[, —говорю]. До колодца дойти нет сил. Второй этаж, мама не может ходить, руки, ноги болели. Съели их, очень сладкая на вкус, хорошая. Свекольную ботву поев, свеклу поев, выходишь на работу. Вечером придешь — пусто, в обед поешь, работаешь на пустой [желудок] до изнеможения.

Затем умерла еще одна младшая сестра. Начальник Иван Тихонович, [увидев] меня плачущую:

— Что плачешь? — спросил у меня.

— Сестра умер[ла].

— Ну что, будешь хоронить?

— Аха.

Он со своим сыном гроб сколотил и привез его на санях для перевозки опилок. Сказал мне: «Хороните». Младшую сестру по-

ложила я в ящик, отвезла на кладбище, выкопав яму. Вырыла яму в два-три штыка, так присыпав. Присыпав, думаю: «Ну, теперь никто в живых не останется».

Постоянно плачущий братишка так и плачет. Еще одна сестра Зелмен была. Мать хромая, одежды нет. Утром съедим кое-что — все, пусто.

Там у них картофель был. Детским садам давали. А гнилую картошку на улице коровы ели. Наша мама пошла и, принеся сгнившую картошку, вместе с кожурой, положила на плиту печки, стала жарить котлеты. Оттуда полезли черви.

«Мама, они же червивые», — когда я сказала, мама, перевернув червивую сторону котлеты, сама поела и нас стала кормить. Ни соли нет, ничего нет.

— Избавившись от червей, ели?

— Да. Так и жили. Брат Баатр стал есть, живот появился. Затем я стала работать на воловьих упряжках, возить свеклу. На воловьих упряжках работая, свеклу стала возить. Свеклы такие большие, большие. Свеклы там-сям положив, зерна немного насыпав, привозила домой. Братишка зерно молотил, камнем придавливая.

— *В Сибири дружили с русскими?*

— Русские — народ хороший. В 1942 г. председатель колхоза «Каганович» Кетченеровского улуса отправил в Ростов-на-Дону 120 человек [рыть окопы]. Мой отец должен был ехать, но он сторожил зерно, сторожем числился в колхозе. Мне идти сказали. Одежды нет. Только то, что на мне, одни брюки. Про запас ничего не стала брать.

Затем [председатель колхоза]: «Ну, идите, с Ростова вы должны вернуться назад», — говорит. Также немного овец, двадцать-тридцать голов в дорогу нам [дал].

Сто двадцать человек пошли пешком. Забывали овцу, ели, спали в степи. Шли осенью. Через две недели дошли. Пришли — холодно. В Ростове-на Дону — лес. Вода здесь, вода — там. Теперь что делать? Выкопали яму, окно сделать нет возможности, сверху побросали щиты и еще кое-что. Со мной работали две девушки, татарки они.

— *Какой год был?*

— 1942 год. Сверху щит бросили, дождь все идет. Со мной вместе две девушки татарки, вместе спали. Шесть месяцев там пробыли, одежду не стирая. Месячные перестали приходить. В одних брюках все время, те брюки со временем износились, обе [ноги] кроваво-красные. Длинные волосы, собранные вокруг головы, полны вшей. Так чешется [голова], вся в болячках, наросты отпадают, вши так и сыпятся. [Волосы] туго заплетены.

Окопы роем опять. Рядом один старик. Что делать!

Люди уходили в армию, семь–восемь человек осталось. Мы не можем уехать. Нет возможности. На чем ехать? Один худой вол остался. Того вола, давая корм, немного подкормили и пешком пошли, в Р В дороге спали на земле, зайдя к русским, просили милостыню: «Дай картошку, дай хлеб». Русский человек какой: «Ой, боже мой! Ой, боже мой», — говоря, нам хлеб, картошку давали.

Пробыв немало дней, добралась домой. На точку. Вся в болячках. Всю поездом едят. Вот такие длинные волосы все во вшах. Вхожу в дом, еле на ногах стою после пешей дороги, отец подходит: «Ой-ой, милая», — говоря, [когда] приподнял [волосы], все в крови, одна кожа осталась. Кожа вместе с волосами слезла. Врача нет. Отец говорит: «Жена, дочка выживет, нет. Вытри. Чем-нибудь смажь, маслом мажь, суслиным маслом мажь».

Два года я была без волос, вся в болячках. На голове — платок. Дети, срывая платок, смеялись надо мной. Два года волосы не росли из-за болячек. Не умерла, осталась живой.

Так и продолжала работать, оттуда ссылка в Сибирь, опять во вшах, вши поездом едят. Голова осталась здоровой, хаирхан. Ом-мани-падме-хум, пусть такое не случится! Сейчас расскажешь, никто не поверит тому.

Вот пережитого много. Нет моих детей, потеряла двух супругов, ни матери, ни отца. Осталась с одной младшей сестрой. Годов немало.

У того коменданта, надзирателя каждый месяц надо отмечаться.

Тем временем ко мне стал свататься живущий по соседству парень. Вышла замуж, вместе с кем-то в одном бараке жил. Прошел год, родился мальчик. Врача нет. Родился мертвый ребенок. Мальчик. Я думаю: «Хорошо, что так случилось. Его поднять трудно. Хорошо, что умер». Наутро вместе с мужем завернули его в тряпки. Неподалеку была станция. Там рядом со станцией понесли и похоронили.

Прошел год, родилась девочка. Девочка прожила восемь месяцев. В это время муж заболел туберкулезом. Мне врач говорит: «Вы вместе не спите, заразитесь». Потом мы отделились. Третий ребенок родился. Мальчик. Муж — туберкулезник, открытая форма. Сын пятимесячный умер от туберкулеза. Муж совсем не может ходить. В то время спецкомендатура была. Нас в Барнаул возили, в сорока километрах. Запрягли воловью упряжку, его братья повезли. Повезли, там через трое суток он умер.

Когда он умер, меня не пустили. Брат поехал, брат Нандышев поехал, похоронив, приехал.

Мать, младшие брат и сестра остались. Так жила, поднимая младших.

В 1958 г. приехали на родину, в поселок Тугтун Кетченеровского района. Когда приехали, сарай для хранения угля, кизяка дали нам. Мать говорит: «Возвращаться надо к своим родственникам. В Рубцовском районе, от города Рубцовск в девяти километрах, калмыки живут. Поедем», — говорит мне.

В те времена дети слушались старших. Все поместили в контейнер, собрав барахло, взяли посуду, погрузили и приехали. Приехали — жилья нет. Пришел родственник, говорит: «Ну, Инджир, с матерью поедете на точку. Чабаном будешь работать». Обрадовалась. Чабаном в снежное время пришла работать. Доила коров, овец. Коровье молоко, козье молоко сепарировала, масло стали есть. Приделались, швейную машину приобрели. Брат и сестра в школу ходили, один — в 4-й класс, другой — во 2-й класс. Там школы нет, приехала в совхоз.

Переночевав, поехали на машине. Это недалеко от Рубцовска, в сорока километрах. Погрузив корову, детей и прочее, приехали. Опять чабаном стала работать.

Там оставшиеся люди готовились переезжать. Только за свой счет. За свой счет денег не хватает. Месяц поработав, еще заработав денег, приехали опять на родину, в Тугтун. Затем устроилась на работу в пекарню. Руками месила [тесто], их кормить, самой есть — сил много. Вот там и работала.

Один старик разведенный взял меня замуж. Не хотела я замуж, мои невестки все стали уговаривать: «Ничего не видишь, спутником будет. Не живи одна». В Кешир, туда езжай. Свой дом был в Кешире. Переехала. Сейчас живу в том доме. Там кухня, гараж, две комнаты. Старик умер, в 2002 году он ушел. Так я осталась одна. Сестра младшая со своей семьей в Тугтуне, больше родственников нет. Вот с кошкой вдвоем счастливо живем.

В Горбачевское время я бизнесом занялась. Неграмотная, ни одного класса не окончила. Внук рядом стоит. Я щелкаю, щелкаю на счетах, стоимость молока, масла считаю. Одна женщина спрашивает: «А Вы что бухгалтером работали?». Я не издаю ни звука. Валера: «Да, наша тетя работала бухгалтером», — говорит. А я говорю:

— Зачем ты так говоришь?

— Ну, Вы же умеете считать на счетах.

В старом доме мужа так и живу. Когда муж умер, [работники] соцзащиты сказали: «Оформляйтесь по потере кормильца». Теперь у меня пенсия маленькая.

Годов немало, смотреть некому. Очень тяжело, очень тяжело. Так я много не плачу. Слезы закончились, когда в молодости все плакала, плакала. Я ни на кого не обижаюсь. Родственников, внуков, правнуков много. Каждый в своей семье.

Сейчас слежу за собой, постоянно молюсь. Другой возможности нет, надежды нет. Кто придет, всех угощаю, пусть будут сыты, потому что мой отец и две сестры умерли от голода. Во время войны умер первый муж. Нас в семье было девять детей. Из

девятиерых осталось только двое. Что поделаешь! Память у меня хорошая. Ни один класс не [о]кончила. Сейчас думаю о хорошем. О плохом не думаю. Нужно, чтобы душа была доброй. Теперь думаю, если умру, кошка есть. Это кошка людям весточки не подаст, как же быть. Иногда никого не бывает, иногда много гостей. Думаю о хорошем. Надо, чтобы душа была доброй.

Литература

- Убушаев 1991 — *Убушаев В. Б.* Калмыки: выселение и возвращение 1943–1957 гг. Элиста: Санан, 1991. 95 с.
- Борликов, Басхаев 2014 — *Борликов Г. М., Басхаев А. Н.* Об основных причинах депортации калмыцкого народа: новый подход / В. Б. Убушаев. «Всех калмыков переселить» ... в Сибирь. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2014. С. 580–591.